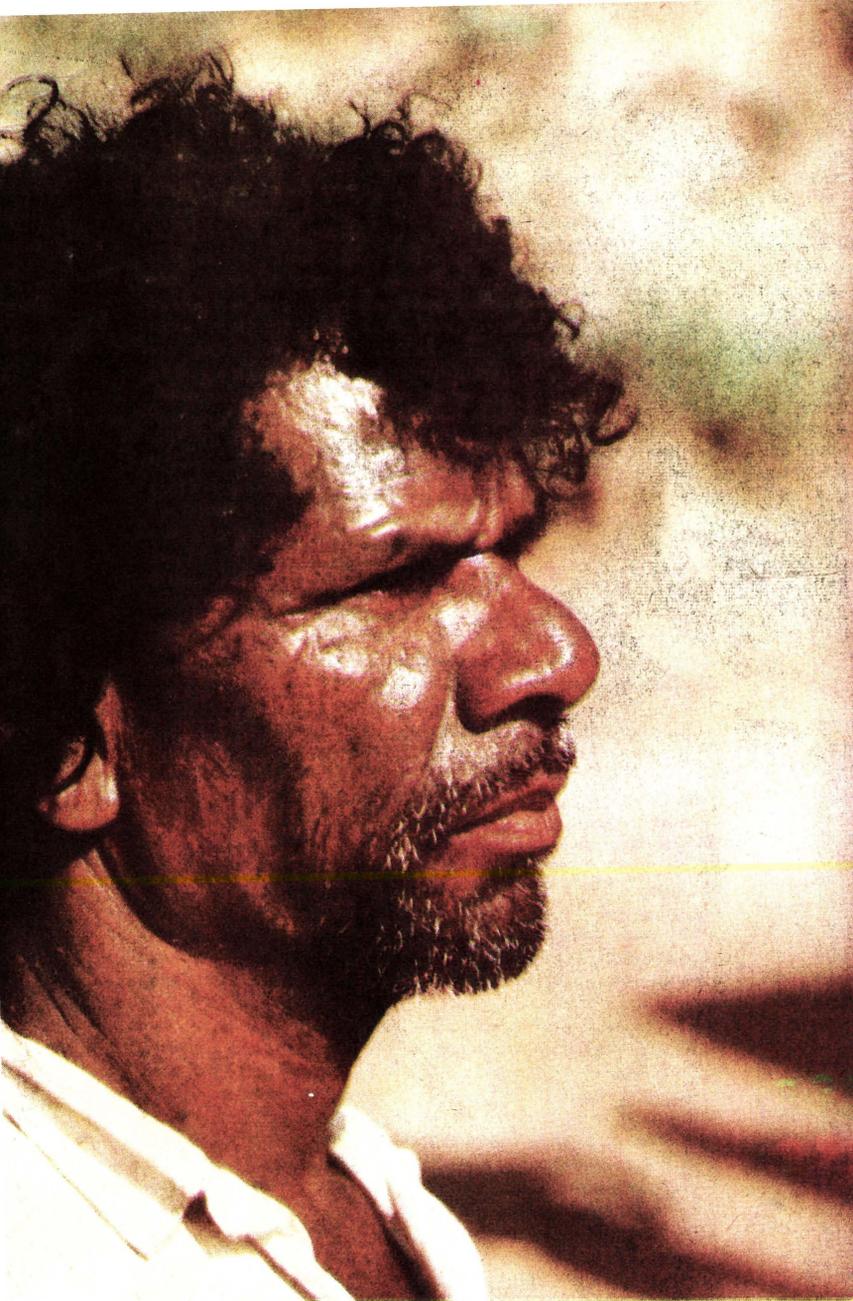

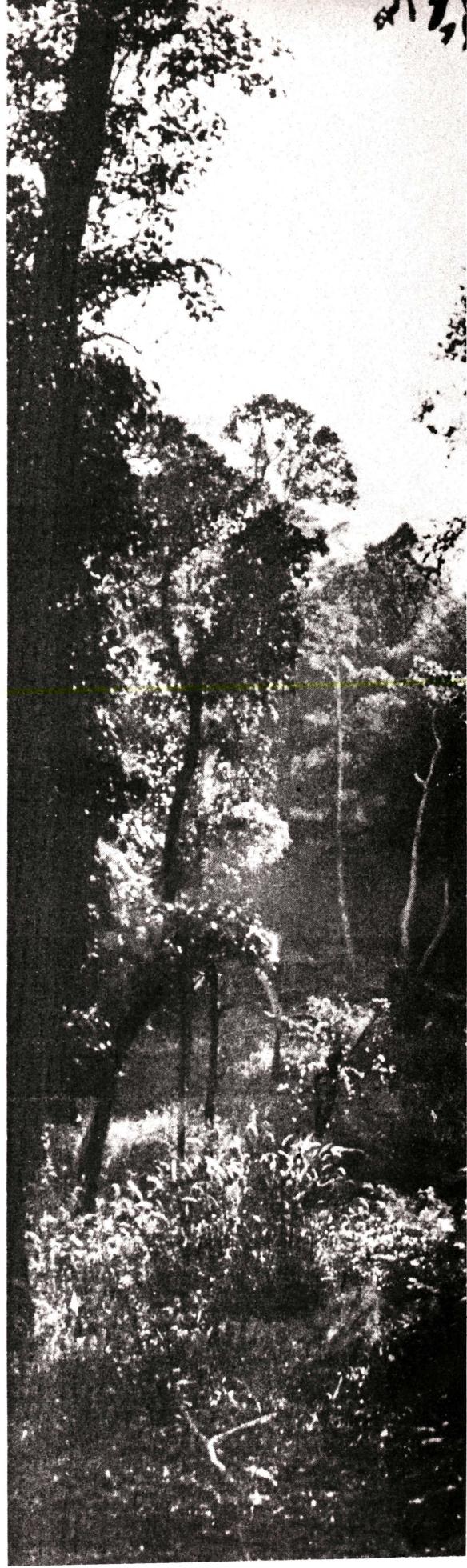
ВОКРУГ **СВЕТА**

8 1975
АВГУСТ

Л. В. ШАПОШНИКОВА,
кандидат исторических наук,
лауреат премии имени Неру
Фото автора

В ДЖУНГЛЯХ ДРЕВНЕГО ВАЙНАДА

... **О**ткуда-то потянуло сыростью, и на дорогу стали напоздать полосы тумана. Они наплывали, странно покачиваясь, оседали на придорожных кустах и исчезали в темноте. Это было похоже на игру призраков. Вдруг сквозь медленно плывущий клочок тумана засверкали огоньки. Они приближались в каком-то своем порядке. И когда оказались рядом, я различила множество факелов над бесконечным потоком маленьких темнокожих людей. Пророк в красном балахоне, несший в руках старинной формы меч, посмотрел сквозь наш «джип», как будто это было пустое место. Древнее племя двигалось по своей ночной тропе. Покачивались странные флаги — хоругви, разрисованные поперечными зигзагами — красными, черными, белыми. Люди несли на палках гроздь бананов — подношение всемогущей богине Марнамме. Резко пели флейты, и глухо стучали барабаны. Процессия шла сквозь ночь мимо спящих деревьев, через засыпавшие городки. Милю за милей. Маленькие выходы из прошлого со своими пророками, духами и богами. Обогнавший нас «джип» как-то странно и лег-

ко прошел сквозь идущих. А они все лились и лились по дороге, как река, по темной поверхности которой плали факелы. Не было шоссе, не было нас, а была древняя тропа и ее хозяева. Эта ночь принадлежала им, а они словно вышли из нее.

Кто эти люди? Откуда шли они? Куда? То были панья...

МЫ — ПАНЬЯ

Солнечный луч проник сквозь подслеповатое окошко хижины и лег веселым зайчиком на противоположную закопченную стену. Пылинки, вырвавшиеся из полумрака, освободженно запылали в неверном золоте света. Откуда-то пополз синеватый дымок, и я поняла, что наступило утро. Вошла девушка с печальными глазами и сказала:

— Вас там уже ждут.

Девушку звали Лакшми, и жилище, где я обрела ночлег, принадлежало ей. Я вышла из хижины, Над плато Вайнад стояло ослепительно прозрачное раннее утро. Из соседних зарослей доносился гомон птиц. Над лесом, где-то у самого горизонта, синел хребет Западных Гхат. Безлюдье. Только небольшая группа темнокожих людей недалеко от хижины напоминала о том, что в этих местах обитает человек. Все они слегка пожевываясь в прохладе раннего утра и кутались в куски белой ткани. Группа о чем-то совещалась. Потом от нее отделилась женщина и решительно направилась ко мне. Женщина была, несомненно, парламентаром. Она остановилась передо мной, и приветливая улыбка блеснула на темном лице. В жестких вьющихся волосах кокетливо торчал синий цветок, а мочки ушей были растянуты круглыми серьгами, усеянными красными блестящими точками.

— Мадама, — сказал парламентар, — ты зачем сюда приехала?

В первую минуту «мадама» растерялась от такого неожиданного вопроса и оторопело спросила:

— Как «зачем»?

Парламентар непочтительно и недипломатично хихнул и поманил рукой остальных.

— Вы кто? — спросила я.

— Мы — панья, — нестройно ответили мне.

— Я к вам в гости, — вежливо сказала я.

Стоявшие рядом одобрительно закивали головами. Мой первый рабочий день в племени панья начался.

Панья... Пожалуй, это самое австралоидное и древнее племя плато Вайнад. Английский этнограф Торстон писал в начале нашего века: «Панья — темнокожее племя, небольшого роста, с широкими носами и кудрявыми волосами».

Индийский этнограф Гуха отмечал, что «панья имеют близкое отношение к австралийским аборигенам или скорее к протоавстралоидному элементу, с некоторой примесью негроидного элемента».

«Они охотятся на тигров и пантер с копьями и сетями. Едят крыс, змей, рыб, креветок, земляных крабов и черных обезьян», — сообщает другой индийский этнограф Луиз. Известный индийский ученый доктор Айяппан писал: «Нет сомнения, что панья самые древние обитатели Вайнада».

Короче говоря, все, кто соприкасался с панья, сообщали о них много интересного: у панья есть колдуны, они поклоняются странным богам и устраивают дьявольские танцы в джунглях. Все эти сведения могли произвести впечатление на любого, не только на меня. Помимо этого, я знала, что панья — крупнейшее лесное племя. В общей сложности их было не менее 40 тысяч, и занимали они лесной район от Ниагри до Малабара, но основным местом их расселения оказалось плато Вайнад. А что же я еще о них знала?

Несколько легенд проливали весьма суме-

речный свет на историю племени. Легенды были противоречивы и отрывочны. В них присутствовали и правда и выдумка. Когда европейцы впервые увидели панья, то решили, что это потомки африканцев, потерпевших когда-то кораблекрушение у берегов Малабара. Их ввел в заблуждение внешний вид панья. Мелковьющиеся волосы и толстые губы для европейского обывателя были всегда признаками африканцев. О протоавстралоидах тогда еще не знали. Торстону панья рассказали только то, что они пришли издалека, бежав от притеснений какого-то раджи. Но они не помнили ни места прежнего обитания, ни имени раджи, ни времени своего «исхода».

Несколько позже удалось узнать еще одну легенду. Когда-то панья жили на горе Иппимала около Тамарачерри. В те времена они не имели дела с другими людьми. Густой лес кормил панья, пещеры укрывали их от дождя и пронзительных ночных ветров. Однажды кто-то из панья, выйдя к опушке леса, обнаружил поле молодого риса. Зеленые побего и незрелые колосья привлекли внимание лесного следопыта. Он попробовал колосья, и они ему понравились. Но его спугнул крик человека, который принял панья за обезьяну. Панья не знал, каким был этот человек — добрым или злым. Он понял только то, что человек сторожит рис и что днем «пасться» на поле — занятие опасное.

Панья рассказал соплеменникам о поле и вкусных побегах, растущих на нем. Теперь каждую ночь лесные люди выходили на опушку и ели зеленый рис. Вскоре владельцы полей заметили, что кто-то по ночам поедает молодые побеги риса. Они думали, что это кролики или обезьяны. Кто ж мог знать, что в лесу рядом с ними живут люди, называющие себя панья?

Когда об этом стало известно, люди начали охотиться на людей. Но поймать осторожных и ловких жителей леса долго не удавалось. Наконец одному из земледельцев пришла мысль расставить на похитителей риса сети, как на диких зверей. В ту недобрую ночь двадцать панья попались в сети. Маленькие, темнокожие, они беспомощно бились в прочных сетях, кричали и плакали. Остальные сидели на опушке леса в кустах, не понимая, что произошло. И, страшась, не посмели прийти на помощь. Опутанных сетями панья повели куда-то в глубь полей, подгоняя ударами палок. Так первую партию рабов-панья привели к большому каменному дому землевладельца. Их стали приручать, как диких зверей. Но панья оказались на удивление послушными и терпеливыми. Пленников бдительно сторожили, и никому из них не удалось убежать за время приручения в родной лес. Панья заставили работать на поле, научили языку их хозяев и однажды отпустили. Но отпустили не просто. А приказали привести с собой соплеменников.

Маленькие рабы не посмели ослушаться. А потом наступили еще худшие времена, когда люди, владеющие рисовыми полями, начали скупать участки леса. Они покупали этот лес вместе с панья, которые автоматически становились их собственностью. Тех, кто пытался избежать этой участи, ловили и силой обращали в неволю. Так племя панья было поработено феодалами и помещиками Вайнада. Период рабства, видимо, длился не одну сотню лет. Да и сейчас оно окончательно не исчезло.

...Поэтому неудивительно, что старого пророка и вождя Палана из Начери я встретила на кофейной плантации. Он сидел у куста зеленого кофе и рыхлил под ним землю. Когда я окликнула его, он поднял седую кудрявую голову и удивленно посмотрел на меня.

— Вот где я тебя нашла, — сказала я.

— А где бы ты меня могла сейчас найти? — еще раз удивился старик.

Мы так и уселись под этим же кустом кофе. Я видела, как по склону, на котором расположена плантация, сновали люди, занятые работой. Среди них было немало панья. Склон спускался вниз к узкому ущелью, на дне которого мирно журчал прозрачный ручей.

— Все это, — Палан показал на плантацию, ущелье и лес, — принадлежало когда-то панья. В те времена мы были свободными. А теперь слушай, я расскажу тебе, что знаю. Прошло много лет, и в моей старой голове все спуталось. И если я вдруг скажу неправду, ты меня простишь. Я предупредил тебя.

...Давно-давно где-то на западе стояла гора Иппимала. Это была высокая гора, сверху донизу покрытая лесом. В этом лесу с незапамятных времен и жили панья...

Палан рассказывал очень долго. Солнце уже клонилось к горизонту и теперь наполовину ушло в землю, чтобы, пройдя ее насквозь, вновь появиться завтра утром на востоке.

— Прошло уже много-много лет с тех пор, — задумчиво сказал Палан. — Панья многому научились. Теперь мы строим дома, делаем одежду.

Нас заставили работать на плантациях. Мы лишились многих своих земель. Но мы не забыли своих богов и свои джунгли. Когда нет работы на плантации, мы уходим в лес охотиться и собирать корни и дикий мед. Мы ловим рыбу в реках и выращиваем тапиоку около наших деревень. Несмотря ни на что, панья остались панья.

СТО ВОСЕМЬ КУЛАМОВ

...В этом я убедилась очень скоро. Каждое утро, когда на деревьях и траве лежала еще обильная роса, я отправлялась в путь. Деревушки панья были разбросаны везде: на склонах гор, в лесных зарослях, в узких долинах. В каждой из них несколько домов — небольших хижин, сделанных из бамбука. Крыши покрыты пальмовыми листьями или рисовой соломой. В некоторых деревьях бамбуковые стены обмазаны глиной. Глины вокруг много. Небольшие, чистые дворики вокруг хижин врезаны в глинистую почву. Как правило, в хижине одна комната. Она небольшая — метров восемь-десять. Потолок сделан из бамбуковых жердей. Окон нет. Свет и воздух проникают сквозь узкую дверь. Справа от двери, прямо в земляном полу, находится очаг. Несколько камней поддерживают глиняный горшок над очагом. Вся мебель заменяет циновка. На ней спят, сидят и едят. Кроме этой циновки, двух-трех глиняных горшков, нескольких ложек из кокосового ореха, тряпки, которая заменяет многим одежду, а иногда топора с узким лезвием или старинного копья, вы ничего в хижине панья не найдете. Перед некоторыми хижинами стоят деревянные высокие ступы-крупорушки с тяжелыми пестиками. В них обычно женщины рушат пади — неочищенный рис. Сами панья его не выращивают, а покупают за деньги, заработанные на плантации. Да и хозяева плантации предпочитают расплачиваться прямо зерном. Рядом с двориками небольшие возделанные участки. На этих участках панья выращивают тапиоку.

В некоторых местах появились так называемые колонии для неприкасаемых — хариджан. В них поселяют и панья. Там они живут в длинных каменных бараках под черепичной крышей. Каждый барак разделен на несколько секций. Секция — это одна комната, рассчитанная на отдельную семью. Колонии строят в неудобных безлюдных местах. Панья стараются в них не попадать. В племени бывших рабов

нет богатых и зажиточных. Панья все бедны. На плантациях, где они работают, им платят гроши, а на них почти невозможно прокормить семью. Поэтому панья не расстаются со своими традиционными занятиями. Лес по-прежнему кормит племя. Ростовщики и торговцы обманывают панья, и те легко попадают в их сети. Нередко бывает, что весь дневной заработок панья отдает ростовщику.

Когда-то помещики силой отбирали землю у панья и превращали их в рабов. Теперь правительство закрепило оставшуюся землю за панья. Но и эти небольшие клочки часто становятся причиной раздора между панья и помещиками — дженми. Наивные и доверчивые, панья, как правило, оказываются побежденными.

Сначала они потеряли свою свободу, потом землю, теперь они могут потерять работу. В какой-то момент мне показалось, что они потеряли даже свою родовую организацию. И я этому не удивилась, потому что многие племена, которых превращали сначала в рабов, а затем в батраков, забыли о своих первоначальных родах, не помнили их названий. Я думала, что и с панья случилось то же самое. Та небольшая литература, которая была написана о племени, подтверждала эту мысль. «Родовая организация утрачена», — отмечали солидные авторы. «Роды? — удивленно спрашивали меня панья из предгорий Нилгири. — Нет, мы уже о них не помним. И легенды не знаем. Говорят, что было когда-то деление на роды, но теперь уже нет».

И каждый раз разговор о родах заходил в тупик. Но я продвигалась медленно по лесистому плато Вайнад, уходя все дальше в глубь древней земли. Сначала мне удалось выяснить, что в каждой деревне панья есть свой выборный вождь. Его называли «куттán». Потом оказалось, что при вожде есть совет «коттáни». Все дела в деревне решает он. Основное место в работе совета занимали проблемы семейной жизни. За супружескую неверность совет наказывал и мужчин и женщин. Наказывал штрафом от 7 до 10 рупий. Деньги шли на устройство праздников. Здесь сохранились основы древней демократии. Раз есть вождь, значит, есть еще племя. А потом выяснилось, что не все панья забыли о своей родовой организации.

...Он пришел ко мне в Чингери под вечер и сказал, что живет в деревне неподалеку. Он был сед, темнокож, с живым подвижным лицом.

— Мадама, — сказал он, — говорят, что ты ищешь умного человека.

— Хочешь сказать, что ты тот умный человек? — спросила я.

— Конечно, — уверенно ответил он. — Я не только умный, но еще и жрец.

— Прекрасно. Так давай поговорим.

— Давай, — охотно согласился он.

И мы поговорили. Теперь я считаю, что Кулиен, сын Курумена, не только умный человек, но и самый памятный среди панья.

Оказалось, что у панья существует 108 родов. Их называют «кулам». Во главе каждого стоит вождь. Роды называются по имени предков, их основателей. Конечно, Кулиен не помнил все 108. Но некоторые назвал: Теваньен, Кадайран, Маньямкодан, Нанживудан, Нарикодан, Паппалан, Черанкодан. До сих пор дети принадлежат куламу матери, а муж, согласно традиции, живет в роду жены, в ее доме. Правда, теперь есть отклонения от традиции. Но все это свидетельствует о том, что родовая система у панья была матриархальной. В некоторых местах, правда очень редко, еще сохранилась и форма матриархального брака — полиандрия, или многомужество. Когда-то, как сказал Кулиен, собствен-

ность в племени принадлежала женщинам и переходила от матери к дочери. Но теперь положение мужчин в этом отношении улучшилось, и собственность делится — если есть, что делить — поровну между дочерьми и сыновьями.

ТРОПА В НОЧИ

Когда в Вайнаде наступает апрельская ночь новолуния, панья устраняют праздник в честь богини Мариаммы. Для меня этот праздник начался несколько необычно. Поздно вечером я рассталась с ниагирскими панья и пересекла границу штатов Тамилнад и Керала. Через несколько миль от границы, уже на «той стороне», меня поджидал господин Кришнан. Помнится, я рассчитывала отдохнуть хотя бы ночью. Но господин Кришнан был не из тех, кто потворствовал таким слабостям. Округлив по-мальчишески глаза, он таинственно спросил меня:

— Знаете, что будет сегодня ночью?

— Нет, — чистосердечно призналась я.

— Сегодня ночью будет такое... — продолжал напускать туману господин Кришнан. — Короче говоря, вам не придется спать сегодня ночью, — неожиданно закончил он и рассмеялся тихо и, как мне показалось, довольно ехидно.

Я не рассердилась. Только переспросила, что же все-таки будет ночью.

— Ой! — схватился за голову господин Кришнан. — Будет такое... В общем, надо спешить.

Я посмотрела на часы. Стрелки показывали полночь. Без дальнейших расспросов я подчинилась господину Кришнану.

Сначала дорога была пустынной. Над ней стояло темное звездное небо, и теплый ветер шумел в зарослях, тянувшихся по обе стороны. Время от времени ухала какая-то ночная птица. Из-за поворота вынырнула придорожная харчевня под пальмовой крышей. На харчевне было написано: «Отель Париж». «Париж» освещался керосиновой лампой, а над прокопченным его прилавком торчала лохматая голова, грустно и задумчиво смотревшая на темную дорогу. «Отель Париж», здесь, в глуши, при лесной дороге. Мне стало смешно и раскотелось спать. Куда и в каком направлении мы ехали, я не знала. Да это было, наверное, и неважно. Сквозь деревья скользил тонкий серп молодой луны.

...Из медленно плывущего клока тумана засверкали огни. И когда они оказались рядом, я различила множество факелов над бесконечным потоком маленьких темнокожих людей.

Резко пели флейты, стучали барабаны. Древнее племя панья двигалось по своей ночной тропе к всемогущей богине Мариамме. Панья шли сквозь ночь мимо спящих деревьев, через засыпавшие городки. Мило за милей.

Сколько веков они так шли? Что задержало их в пути? Почему они не заметили, что их тропа превратилась в асфальтированное шоссе? Что там, где когда-то были джунгли и стоял лесной деревянный храм богини Мариаммы, теперь вырос городок Кальпетта? Может быть, их это не касалось? Какой-то закон древней жизни властно звал их в то место, где находилась богиня. Они шли через город, удивленно расширив глаза и автоматически перебирая ногами. Город не спал, он ждал этого зрелища. Древняя факельная процессия панья запрудила его узкие улицы. Город приготовился к встрече. Балаганные зазывалы хватали панья за руки. Но те их не замечали. Клоун был в большой барабан. Пронзительно кричал продавец цветных воздушных шаров. Акробаты взлетали к небу, туда, где стоял серп молодой луны. Город

был наполнен своей музыкой, и звуки флейт панья потонули в ее разноголосье. Но длинная, протянувшаяся на весь городишко процессия панья упорно продвигалась к храму. Они шли, не замечая ни лотков продавцов сладостей, ни коробейников, разложивших свои яркие товары на заплыванной мостовой. Они осторожно обтекали препятствия и снова смыкались. В узкой прихрамовой улице их непочтительно толкали, над ними смеялись. Они мешали горожанам, которые пришли посмотреть на них же.

Город, вставший на пути панья, изменил все. Их джунгли, их самих, их храмы, их богиню Мариамму. Но в эту ночь панья этого не замечали и не признавали. В деревянном небольшом храме на алтаре стоит Мариамма. Шелковые одежды, серебряная маска лица. Теперь она чужая, непохожая на прежнюю. Напротив алтаря — каменная платформа. На ней трезубец и копьё — оружие богини. Но копьё не защитили ее от узурпаторов, жрецов-браминов. Это они, захватив лесной храм, превратили Мариамму в свою пленницу, дали ей шелковые одежды и серебряную маску. Жрецы-брамины заставили служить ее всем. Но панья знают, что под серебряной маской скрывается истинное лицо их, панья, богини и их, панья, защитницы. И они не хотят ее отдавать чужим жрецам-браминам. Каждый год в эту ночь они пытаются взять приступом храм и вернуть себе Мариамму. Горят факелы, развеваются хоругви, мерно бьют барабаны панья. И как бы в ответ на это грозно и тревожно начинают бить шесть храмовых барабанов. Их звук низкий и ритмичный. Под такой бой идут в наступление.

Высокий светлокожий жрец становится на пути панья. Он не хочет, чтобы они задерживались у алтаря. Пророк в красных одеждах начинает приплясывать, воздевая руки кверху.

— Меч! Меч! — кричит он.

Меч с бронзовой рукояткой лежит на шелковой подстилке. Он уже не принадлежит пророку-панья: дух Мариаммы овладевает им. Служители храма со шнурами дваждырожденных¹ хватают пророка за руки и отселяют от алтаря. Там, где есть жрец, нет места первобытному пророку. Серебряная маска Мариаммы, залитая электрическим светом, равнодушна и бесстрашна.

Служители направляют поток панья к заднему двору храма, где им велят оставить бананы и кокосы, которые они принесли богине. Теперь это дело чужого жреца — отдать их Мариамме или употребить на нужды храма.

И снова бьют барабаны панья, но уже как-то неуверенно и печально. Панья отступают, потерпев очередное поражение.

Но дух панья нелегко сломить. На месте городской площади была когда-то лесная поляна, где устраивались танцы в честь Мариаммы. Зов древней жизни властен, и панья начинают танцевать на площади, не обращая ни на кого внимания. Их тела напряжены и тонки, как звуки флейты. И как эти звуки, панья то поднимаются, то опускаются, создавая замысловатый рисунок, отзвываясь каждым движением на странно звучащую мелодию. Они впитывают в себя эту мелодию, сливаются с ней. И уже трудно понять, где люди, а где музыка.

И тут же на площади в клетках бродячего цирка, поводя худыми, облезшими боками, мечутся звери: тигры, пантеры и медведи. Да, все изменилось. Джунгли вырубали, зверей посадили в клетки, а панья танцуют на грязной городской площади под смех и улюлюканье горожан...

¹ Дваждырожденный — член касты браминов. Брамины носят в знак принадлежности к высшей касте плетеный шнур через плечо. (Прим. ред.)

...Утром, когда взошло солнце, уставшие панья спали прямо на улицах Кальпетты среди дыли, бумажного мусора и банановой кожуры. Тут же спал и маленький пророк в красных одеждах. Он был пьян, беспокойно метался и стонал.

Мы возвращались из Кальпетты снова туда, в джунгли. Стояло ясное солнечное утро. Дорога была пустынна. Как будто все, что на ней происходило ночью, мне приснилось, но все равно я могу сказать теперь словами Кришнана: «Я видела такое...»

ДУХИ ПРЕДКОВ

Дух умершего сидел в горшке уже целую неделю, и старый Каяма сторожил его. Иногда, как казалось Каяме, дух недовольно ворочался в своем тесном вместилище и глухо ворчал. Тогда Каяма старался его успокоить.

— Сиди, сиди тихо, — говорил он. — Тебе осталось ждать немного. Ты же знаешь, что все сейчас заняты на плантации, и даже жрец. Вот когда все освободятся, мы устроим церемонию, накормим тебя и выпустим.

От этих слов дух успокаивался, но ненадолго. Потом он снова начинал ворочаться. И вновь Каяма начинал свой бесконечный разговор. Днем старик сидел с горшком в священной роще, раскинувшейся сразу за деревней. Ночью брал горшок с беспокоящимся духом в хижину и ставил его у изголовья. Каяма теперь плохо спал, потому что и ночью приходилось прислушиваться, как ведет себя дух. Дух принадлежал умершему дяде, к которому Каяма был очень поинтересован при жизни. Поэтому и взял на себя добровольно эту тяжелую обязанность. Теперь до церемонии Каяма не мог расстаться с горшком. И от этого у Каямы было все время плохое настроение. На восьмой день он взял горшок и отправился к жрецу, который работал на ближней плантации. Жрец был занят подрезкой ветвей деревьев. Они очень разрослись и не пропускали солнечные лучи, которые были нужны кофейным кустам. Жрец сидел на дереве и коротким тесаком рубил ветви. Каяма остановился внизу и долго наблюдал, как работает жрец. Потом не вытерпел:

— Эй! — крикнул он. — Слазь сейчас же с дерева!

Жрец оторопело посмотрел вниз и увидел Каяму.

Храмы панья — несколько врытых в землю камней — прячутся в глубине леса.

— Ты видишь, я занят, — спокойно сказал он старику.

— Слазь сейчас же! — потерял терпение Каяма и потряс горшком.

Жрец подумал, что стряслась беда, и быстро спустился.

— Ты его упустил? — с опаской спросил он Каяму.

— Нет. Он здесь, в горшке. Вот послушай, — и приставил горшок к уху жоеца.

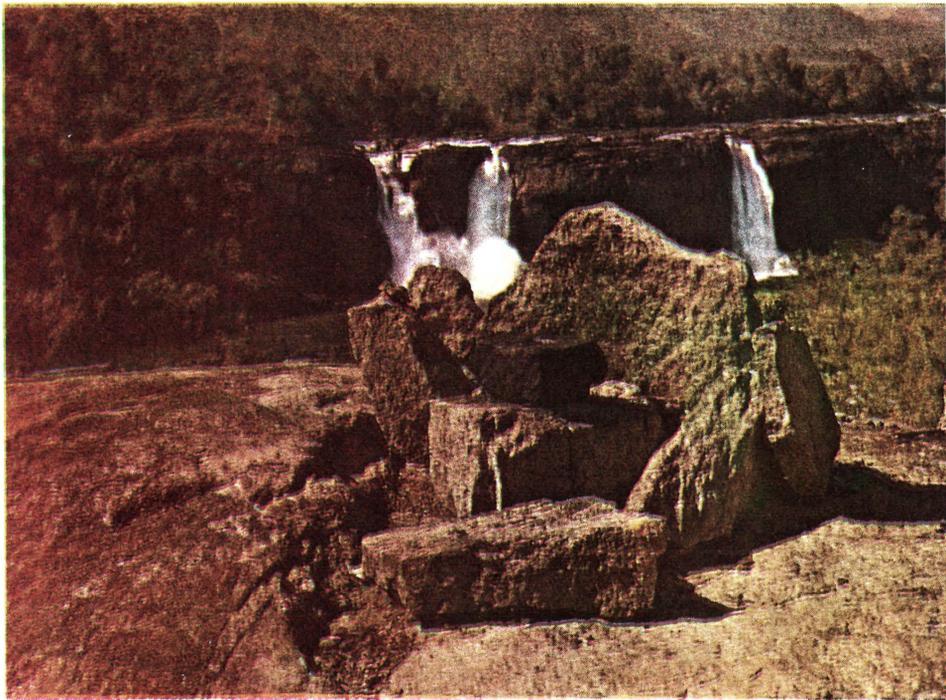
Жрец прислушался и удовлетворенно кивнул. Потом недоуменно спросил:

— Так чего ты пришел?

— Надо делать церемонию, — ответил Каяма. — Мне уже надоело его сторожить столько дней и ночей.

— Кончим работу, сделаем, — последовал резонный ответ.

Каяма в сердцах с размаху поставил горшок на валун, лежавший под деревом. Горшок не выдержал и раскололся. Оба, жрец и Каяма, на мгновение

остолбенели. Дух воспользовался замешательством, вырвался на свободу и черной вороной каркнул с верхушки дерева. Первым пришел в себя жрец.

— Сам выпустил, сам и лови! — закричал он. — А мне некогда! Мне надо работать!

Каяма бессильно опустился на валун и горестно уставился на черепки.

— Что же я наделал? — тонко запричитал он.

— Старый дурак, — злобно сказал жрец. — Дух был некормленный и теперь замучает тебя.

Солнечный свет померк в глазах Каямы, и он медленно и разбито поплелся в деревню...

Вера в духов умерших, поклонение духу предков — важнейшая часть мировоззрения панья, их примитивной религии. Поэтому погребальная церемония в племени сложна и растягивается на долгое время.

С погребальным ритуалом я столкнулась в деревне Муелмулла. Она была расположена в редких зарос-

лях и производила впечатление тихого и спокойного места. Мы долго говорили со старейшиной Конгаем. Остальное время от времени присоединялись к нам. Лица людей были приветливы и ясны, они шутили и смеялись. И к концу дня я стала своим человеком в этой зеленой и веселой деревне. Я даже не заметила, как село солнце, как напознали сиреневые сумерки, быстро сменившиеся непроглядной темнотой. Сын Конгаи принес охапку дров, теперь мы сидели со старейшиной у костра, наблюдая за бесконечно разнообразной игрой желто-красных языков пламени. И вдруг в ближней хижине раздался плач. Какой-то горестный и безутешный. Соседняя с ней хижина откликнулась таким же плачем. Через несколько минут плакала вся деревня. Конгаи, сидевший рядом со мной, начал подозрительно хлюпать носом.

«Господи, — подумала я, — что же у них стряслось, что все сразу заплакали?»

— Конгаи, — тихо позвала я. — Что случилось?

— Ничего, — ответил Конгаи и хлюпнул еще раз.

— Как ничего? А почему все плачут?

— А, это... Я сейчас тоже буду плакать, — ободрил он меня.

— Слушай, — обеспокоилась я. — Ты сначала объясни, а потом плачь. Хорошо?

— Хорошо, — покорно согласился Конгаи. — А ты тоже будешь плакать?

— А что, надо? — осторожно спросила я.

— Конечно, надо, если у тебя кто-нибудь умер.

— Пока никто не умер, — сказала я.

— А у нас умер. Три года тому назад умер наш родственник, вот мы и плачем.

— А почему вы это раньше не сделали?

Конгаи недоуменно уставился на меня.

— Мы и тогда плакали, — как бы оправдываясь, сказал он. — Ведь после похорон надо плакать каждый день в течение трех лет. Иначе дух умершего будет недоволен.

И, объяснив все это, Конгаи зарыдал. Деревня плакала до рассвета. А когда взошло солнце, плач прекратился. Деревня выполнила поминальный ритуал.

Дух умершего, дух предка, или, как говорят панья, «пенá», может жить в доме, может обитать где-нибудь рядом. Лучше всего, если в деревне отведено для этого какое-то одно место. И людям спокойней, и духам вместе как-то веселей. Обычно дух живет целый год в своем доме, а потом переселяется в колайчтан — место духов мертвых.

— ...Слышишь? — говорит Велла. — Упала ветка, это духи предков ее обломали.

Велла — жрец. Он живет в колонии панья, где теперь стоят домики под черепичными крышами вместо старых бамбуковых хижин. За колонией в долине — священная роща, средоточие всех реликвий панья, начиная от духов предков и кончая богиней Бхагавати.

— Слушай, слушай, — опять говорит Велла. — Как будто шумит ветер. Но это тоже наши духи.

Я прислушиваюсь к шелесту листьев старого дерева, к которому меня привел Велла. Это и есть колайчтан — обиталище духов предков. Корни дерева похожи на коричневые узловатые руки, которые протянулись по траве в поисках добычи. Меж этими руками-корнями лежит несколько камней. Камни поставлены в честь духов предков. Велла осторожно касается камней и говорит:

— Сейчас, днем, можно только слышать наших духов. А вечером я их вижу. Они проходят по этой роще, как тени. И ни поймать, ни ощутить их нельзя. Однажды я очень ясно видел женщину. Только не мог ее узнать. Я не встречал ее в моей жизни. Наверно, она умерла до моего рождения. Когда она появилась, сразу зазвонил колокольчик. Тихо так — трень, трень. Он всегда звенит, когда дух предков проходит близко. Ты никогда не слышала?

— Нет, — говорю я.

Я не хочу признаваться Велле, что у меня нет духов предков. Предки, конечно, были, а вот духов нет. Если я в этом признаюсь, Велла будет меня жалеть, как самого обездоленного человека на Земле.

Окончание следует

ЗА ОЗЕРОМ ОЗЕРО

ЮРИЙ КУРАНОВ
Фото В. ЯНУСА

Ине удивительно ли само по себе озеро. Да сравнить его просто не с чем. У реки — конец и начало, ее не окинешь взглядом от истока до устья. Море вообще бесконечно, море всегда старается убедить, будто ты стоишь на краю света. Река — вся движение, вся энергия. Озеро замкнуто, энергия его не видна, она где-то в глубине. Озеро сосредоточено в самом себе, как некое законченное произведение. Озеро манит и еле заметной таинственностью похоже на человеческий взгляд. В него нужно долго смотреть, чтобы к нему приглядеться, и долго ходить по его берегам, как вокруг любимой песни. Да и есть ли у озера берега? Берег у него, по сути дела, один, и совершенно бесконечный, как у человеческой души, которую вроде бы почувствовал, но понять, ох, как трудно.

Река всегда разделяет, у нее берега два, где бы ты ни стоял над ней. Недаром по рекам издавна проходят границы.

Я уже не говорю о морях. Моря и океаны разделяют целые континенты. Порою даже трудно представить, что за страна лежит там, на другой стороне океана. Между тем озера как бы объединяют вокруг себя местность или целые пространства, которые и дорогами своими тянутся к ним, чтобы из озера напиться или заглянуть в его глубину.

Я вспоминаю, как на Глубокое надвигалась гроза. Гроза надвигала тучу среди ясного предвечерья. И глубокие заливы Глубокое сначала сделались холодными, какими-то оцинкованными. Озеро насторожилось. Туча принесла дождя немного, только польхнула раз-другой, слегка воду подпалаила и чуть расплавила.

И чуть задержалась. И тогда Глубокое изнутри позеленело, прохватило толщу свою прозрачностью.

Надо сказать, что вода в Глубокое вообще зеленая, но не оттого, что она цветет или мутна, — зеленый цвет исходит из самой его глубины. У берега прозрачно видны песчаные отмели, а к середине, где озеро уходит на сорок метров в толщу, а по словам старожилов и до ста, оно все зеленой, зеленой и гуще. Вода эта чистая и, на удивление, мягкая. Невозможно смыть мыло с ладоней, когда умываешься. А если уж искупался, становишься шелковым, легким, как младенец.

Я видел, как над Глубоким в ясном предвечерье утра собирался туман. Он закутывал сразу все три губы нашего озера. Он даже не поднимался из воды, а возник как бы из ничего. Ровный

СОДЕРЖАНИЕ

№ 8 АВГУСТ 1975

ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО — Остров молодости	2-я стр. обл.
Д. БИЛЕНКИН — Человек против тени	8
Л. ЧЕШКОВА — Синий цвет пустыни	10
В. ДРУЯНОВ — «Погода» земной коры	17
Л. В. ШАПОШНИКОВА — В джунглях древнего Вайнада	20
ЮРИЙ КУРАНОВ — За озером озеро	26
Закон есть закон...	29
В. НИКИТИН — Уходят, чтобы вернуться...	30
М. ГОРЕЛИК — О Бальмунге, Дюрендале и их хозяевах	36
ГАРУН ТАЗИЕВ — Этна: вулкан и люди	42
Загадки, проекты, открытия	47, 61
ИВ. ЛОБОДА — Мягкий блеск шелка	48
ЕВГЕНИЙ КОТЛОВ — Контрольный срок	50
М. ЦЫПКИН — В Техас на воздушном шаре	56
Сказки набалои	58
РУСЛАН ГАЛАЗОВ — Костры в Кобанском ущелье	62
ДЖЕФФРИ ДЖЕНКИНС — Берег скелетов	67
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Маски уходящего праздника	80

На первой странице обложки: ФРГ. БАВАРИЯ. Девушка из деревни Эффельтрих. Когда в этой северобаварской деревне празднуют свадьбу, невеста и ее подружки достают из сундуков старинные наряды. Те самые, в которых шли под венец их прабабушки.

В номере использованы материалы и фотографии из журнала «Аргоси» (США), «Джидеографикл мэгзин» (Великобритания), «Мериан» (ФРГ), «Уайлд-лайф» (Великобритания), «Эпока» (Италия), «Эуропео» (Италия).

Главный редактор **А. В. НИКОНОВ**

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), **Г. В. МАКСИМОВИЧ** (ответственный секретарь), **Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ**

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21. Телефон для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 4/VI 1975 г. Подп. к печ. 14/VII 1975 г. А01347
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (Усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 500 000 экз. Зак. 926. Цена 60 коп.
Типография изд.-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
103030, Москва, К-30, Суцеская, 21

Масленица в югославском селе Висока-Лука шумная, веселая — ничуть не отличается от масленицы в любом другом месте. Кроме последнего ее дня.

В последний день село словно вымерло: никого на улице, двери домов заперты. И лишь в роше за околицей можно увидеть какое-то движение — слабое, правда, и как бы старательно укрываемое от постороннего взгляда. Прячась за деревьями и прикрывая лицо, проскользнет человек в вывернутом овчинном тулупе и исчезнет невеста куда.

И вдруг тишину разбивают резкие звуки дудок и треск барабана. Из роши двинулась процессия — плывут огромные, ярко раскрашенные маски с длинными, свисающими до пояса языками, колыхаются белые и черные перья, звенят привязанные к кушачкам колокольчики. У ближайшего дома ряженые останавливаются, музыка замолкает и предводитель стучит в дверь. Сначала робко, еле слышно, потом громче. Затем в дверь кидают камни, колотят сапогами. Из-за двери слышится голос хозяйина: «Кого еще черт принес?»

Вновь взывают дудки. Ряженые в унисон заводят:

Дай, госпоне, нам сливонице,
Господжице, жуте банице!

Открывается дверь, и на пороге появляются хозяйин с хозяйкой. У него в руках кувшин сливоницы, у нее — поднос с горячими, с пылу, с жару, золотистыми баницами: слоеными пирожками с брынзой. Появление хозяев ряженые встречают оглушительными воплями восторга. И тут же заводят новую песню, а в ней прославляют хозяйина, именуя его не иначе как «воеводой», воспевая его подвиги в войнах с турками (во время которых хозяйин, само собой, еще и не родился). Зовут хозяйина, к примеру, Стоян Каливода. Ряженые поют:

Стоян Каливода, хой!
Хитар воевода, хой!
Али-бея збио, хой-хой!
Велик воевода!

Хозяйка, та — щедрая красавица, и похитил ее Стоян прямо из свадебного кортежа «австрийского цесаря». Тоже, конечно, от исторической правды далековато, а слушать приятно.

Прежде чем двинуться к соседнему дому, ряженые меняют маски. Раньше, когда люди верили, что от обряда зависит плодородие, считалось, что если кто-нибудь опознает ряженого и окликнет его по имени, округу постигнут бедствия. Опять же и черт мог подсмотреть. И чтобы запутать и черта, и злых людей, маски меняли от дома к дому. Сейчас понятно, в это вряд ли кто верит больше, чем в то, что зоотехник Стоян Каливода убил в кровавом поединке предводителя янычар Али-бея, но обычай есть обычай.

Все дома обошли ряженые, всех сельчан воспедали: что ни мужчина — то и герой, что ни женщина — то и красавица; сватался было за нее русский царь (венецианский дука, турецкий султан или другие видные лица), да предпочла она здешнего Иована, Стояна, Милана...

И выбор красавицы понять можно: разве найдешь еще место, где бы так весело гуляли, как в селе Висока-Лука в последний день масленицы?..